

Путь в Европу

«Этот путь нам известен давно», — говорит мой дед Инко, деловито затягиваясь дымом из потемневшей обкуренной трубки, вырезанной из кукурузного початка. Когда он начинал посасывать трубку, это значило, что ему в голову влезла муха, как говорила бабка. Она была ему второй женой. Свою первую бабушку я не знаю: она умерла, родив пятого смуглого мальчишку, — и не бросать же было деду табор, чтобы нянчиться с детьми.

Про моего отца Юрия и его брата, а моего дядьку, Германа (тогда было модно крестить детей в честь советских космонавтов, а дед Инко старался не раздражать власть попусту), он говорил, что они — второй замес, что он обрюхатил жену по второму заходу, чтобы было кому передать ремесло. «Этому ремеслу две тыщи лет, — добавлял он, — а может, и все пять, разве кто когда считал? Мы вышли с реки Цыган, слышите, кудлатые, запоминайте хорошенько, хоть у вас еще сопли текут».

Мы сконфуженно облизывались, — а языки у нас были длинные, потому что мы все время дразнили друг друга, — и не смели шевельнуться. А дед Инко при дрожащем свете костра в холодную апрельскую ночь в сотый раз рассказывал о нашей прародине. Был он смуглый и весь в морщинах, совсем как наши цыганские прародители, которые в Индии, наверное, давно превратились в божества, но мы этого не знаем, потому что Господь наказал нас и обрек

вечно бродить по земле и нигде не находить родины.

«Так что этот-то путь нам известен давно», — повторяет дед, посасывая вонючий мундштучок. Испитое лицо со втянутыми щеками становится как у скелета, и раздаётся тонкий свист. Из погасшей трубки свист словно стекает в грудь и там разливается тонкострунными аккордами. Деда сгибает пополам, глаза его округляются, как фары, звезды облепляют их маленькими яркими мушками. Едва переведя дух, он кричит бабке, обезумевший и обессиленный:

— Ирина, Иринка... слышишь, что ли! Набей чертову трубку, а то без дыма меня душит...

Рослая грудастая бабка Ирина бежит к костру, земля трясется у нее под ногами, и огонь вспыхивает ярче. Какая она бабка — моего отца родила в пятнадцать лет. Одна грудь у нее голая, но ее не видно, к ней присосался двухлетний Кайчо. Он приходится мне дядькой, хоть я и старше его на восемь лет. Дед Инко очень гордится этим своим достижением, примером бессмертия расы. «Пусть все знают, — говорит он, — цыгана старость не берет».

— Чтоб тебе провалиться, — причитает бабка Ирина. — Орешь как резаный, а у самого, небось, все кишки в саже, как печные трубы...

Она клянет деда, не вынимая изо рта окурки: по ее мнению, от сигареты вреда нет, зато трубка самая что ни на есть отравя.

Дед Инко приходит в себя и продолжает свои рассуждения. Его сыновья Дуле и Геро (кому охота ломать язык именами советских космонавтов) лежат в темноте под телегой и слушают. Мы, орава ребятни, сидим на корточках у костра и время от

времени шевелим дрова. Глаза чешутся от дыма и недосыпа, но мы не хотим ложиться спать.

— ...Дорогу мы знаем давно, вопрос в том, с этим ли табором идти. У них там и таборы цивилизованные. Кто их знает, на каких «Мерседесах» и «Фордах» раскатывают. Да и пустит ли кто нас с тощей кобылой да бричкой под старым рядом. Это же Европа, это тебе культура, там таборяне во фраках ходят. Как идти к английской королеве — так они фрак и надевают... Дуле, давай включай, может, уже дают цивилизацию.

Отец шевелится, но ему лень встать:

— Пускай Геро, он моложе. Все я да я...

— Геро отвечает за провиант, а ты за технику. Это японская вещь, я ее кому попало не доверю.

Отец садится, забыв, что над ним телега. Что-то громыхает, раздается его крик:

— Ой, мамочка, ой, голова, ох, убился...

Бабка Ирина выпрыгивает из темноты как из ниоткуда, нагая до пояса, дитя так и висит на ее груди, как клещ, — наверное, сосал да и заснул, — мы от испуга вскакиваем, поднимается невообразимая суматоха. Дед кричит:

— Цыц, цыганское племя, нишкни, пропускаем же информацию!

Но отец держится за голову, он умирает, и потому долго еще все не могут успокоиться.

Наконец отец берет в руки наш единственный вечно запертый сундучок и достает телевизор. Это чудо техники деду подарили сыновья от первой жены и дети деда Иоско, с тех пор он и начал рассуждать о Европе.

Дед Иоско — брат деда Инко. В молодые годы их дороги разошлись. Дед Иоско не хотел кочевать с табором, он решил делать деньги. Подлатал саман-

ный домишко в том предгорном сельце, где мы чаще всего пересиживали холода, и начал чистить канализацию в городах. Он и сыновей обучил этому «го-венному ремеслу», как выражается дед Инко. Вовлек в дело и племянников, пятерых моих дядьев от первой дедовой жены. Они целой бригадой ходили по городам, брали за работу живые деньги, обращали их в золото и зарывали в тайных местах. Дело пошло, они замахнулись и на заграницу.

Однажды старшие отцовы братья нарочно, чтобы позлить моего деда и своего кровного отца, принесли в табор маленький телевизор марки «Сони». Он работал от аккумулятора, светил как ясный месяц и вызывал у всего табора смутное томление по чему-то небывалому, такому, чего в таборе нет и отродясь не было, так что даже не разберешь, чего тебе недостает.

Дед Инко решил, что задета его честь и хотел было разбить сверкающее изобретение цивилизации, потому что парни принесли его и тут же смылись, но мы, кудлатая орава, подняли такой гвалт, что он уступил.

Дед постепенно пристрастился смотреть телевизор, особенно когда показывали цыганские песни и пляски, а если начиналось бразильское или испанское шоу, бил кулаком по коленкам и восклицал:

— Глядите, глядите, это наши двоюродные братья!

Затаив дыхание, мы таращились на экран и радовались. А на другой день наряжались бразильцами и украшали себя как могли.

Потом он начал рассуждать о Европе. Дед Инко — умный человек, каких только людей не повидал за свою жизнь, и знает, что как делается. Не зря он гордился тем, что в самые трудные для кочевой

жизни времена его собственный табор уцелел. Раньше, при фашистах, его отец не раз прятал в таборе раненых партизан, возил и здоровых, и потому много лет после Девятого сентября их никто не трогал. Но когда дедов отец скончался и старое подзабылось, власть опять начала на него давить, чтобы табор бросил кочевую жизнь.

«Хорошо, что начался Хельсинкский процесс, — не раз радовался дед Инко, — он-то нас и спас. Я тогда и в Индию писал, Индире Ганди». Это правда, он хранил ответ в большом желтом конверте. Конверт был оклеен марками и помечен штемпелями, а внутри лежал пространный ответ за подписью консула под заверениями в том, что никто не посягнет на права деда. «Вот видите, — хвалился дед Инко, — свободное движение людей, дорог, таборов и идей придумали мы, цыгане. Все народы вышли из матери Индии». «Путь к Европе...» — вздыхал старик. Ему не давал покоя вопрос, как подготовиться к дороге, цивилизовать наш невообразимый табор. «Нельзя в Европу с таким табором», — качал головой дед, а сыновья и невестки сочувствовали ему, прикидывая, как добиться, чтобы он отпустил их за границу крутить дела по примеру братовых детей.

Наконец та моя тетка, которая приходится женой дяде Геро, придумала, что сначала у двоюродных братьев попытают счастья они вдвоем — тетка Нола и ее сестра Гана. Дед пустился в рассуждения, дядя колебался — уж очень хороша собой эта Нола, как пустить ее на чужбину, пускай даже к двоюродным братьям.

Они все же уехали, а вернулись — будто на ярмарке побывали. Дают деду Инко три синих бумажки и

рассказывают, что, мол, заимеешь таких тридцать штук — и «Мерседес» для табора в кармане. Дед не спрашивает, чем они там занимались и на чем сделали свой навар, знай щупает банкноты, замусоленные такие, цыкает языком и посасывает дымящийся чубучок.

Еще Нола и Гана сказали, что у Иосковых сыновей, наших дядьев, у всех до одного уже есть западные тачки. На западе много машин, цыганята их там не моют, но они все равно блестят.

Нола и Гана хотели снова ехать на заработки. Глядя на них, отец с дядей Геро стали намекать, что им тоже неплохо бы податься в эту Европу, а те им втолковывают, что женщинам легче переходить границу. Агитируют и деда Инко.

— Ведь мы, — говорят, — таборные, дорога у нас в крови, надо разузнать путь к этой Европе, где он проходит-пролегает.

Дед Инко твердит свое:

— Путь-то мы знаем, вопрос в том, на чем по нему катить, техническая революция коренным образом преворачивает кочевую жизнь.

И велит отцу включить ему телевизор.

Пока отец с дядей собирались, тетка Нола и ее сестра Гана съездили туда еще раза два-три, а вернувшись, рассказывали, сколько народу в этой Европе снует туда-сюда, поскольку они там объединяются — сущий табор. Дольше всего они пробыли в Германии, там на этом объединении можно хорошо нажить. Рассказывают, а сами переглядываются. Дядя Геро смотрит на красавицу-жену, глаза так и сверкают... Телега в ту ночь скрипела до зари.

Наутро он вцепился в моего отца:

— Давай, брат, пора в дорогу.

Дед Инко видит, что деваться некуда, — смирился, однако наказывает:

— Присмотрите там фургон. Сразу не покупайте. До две тыщи седьмого года время есть, поспешишь — цыганят насмешись.

Машину они, конечно, не привезли, и фургон не привезли. Купили только видео и мешок кассет. В первый же вечер включили видео. Коробка черная — чернее ночи, и кнопки мигают, как светляки в поле. Мы сбились в кучу, десяток сопляков от двух до пятнадцати, голопузая орава, глаза сверкают в ожидании нового чуда. Отец что-то заталкивает в коробку и торжественно произносит:

— Кассета! Настоящий секс, шестьдесят марок с записью. Смотрите, сопляки, да учитесь, там даже младенцев с пеленок обучают, чтобы знали, что и как, а не возились под кустами, как приبلудные шавки.

Сначала на экране появились полосы — синие, желтые. Дед Инко не стерпел и тут же определил:

— Это, кажется, путь к Европе: полосы — это рельсы.

Грянула музыка наподобие турецкого маане, на экране появился здоровый темнокожий мужик в белых штанах. До того темнокожий, что прямо черный. Музыка играет громче, он начинает, как фокусник, снимать штаны. Не успел он еще раздеться, тут к нему с обеих сторон кидаются две женщины, тоже темнокожие, но не черные. Видны их бедра. Мы так и прилипли к экрану... Потом стали показывать, как они гладят этого негра, и, наконец, пока-

зали их лица. Не успел отец сказать: «Видали, как оно у двоюродных-то, а?», дядя Геро взревел:

— Нола! Да это ты! Глотку тебе порвать мало — ты где его лапашь? Мама, сейчас я из нее душу вытряхну!

Отец смотрит в полной растерянности, мы таращимся во все глаза... В телевизоре тетка Нола и тетка Гана щупают негра, будто мылом намыливают. Дядя Геро страшным голосом ревет в глубокой безглазой ночи.